

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-209-219
УДК 94(47).04

Государственно-церковное взаимодействие в условиях фронта на Юге России в XVI–XVII веках

Андрей Игоревич ПАПКОВ

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
308012, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7612-0795>, e-mail: papkov@bsu.edu.ru

State and church interaction in the frontier conditions on the south of Russia in 16th – 17th centuries

Andrey I. PAPKOV

Belgorod State National Research University
85 Victory St., Belgorod 308012, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7612-0795>, e-mail: papkov@bsu.edu.ru

Аннотация. Рассмотрен процесс расширения государственной территории России в южном направлении, происходивший в XVI–XVII веках. Проанализирован процесс формирования сети православных храмов и монастырей в зоне фронта – на южной окраине России. Сделана попытка определить роль государства в этом процессе. Сделан вывод о том, что государство обеспечивало строительство необходимого количества храмов и монастырей, а также выделяло средства на обеспечение их деятельности в дальнейшем.

Ключевые слова: Российское царство; Юг России; Днепро-Донская лесостепь; Крымское ханство; Речь Посполитая; фронт; порубежье

Благодарности: Статья написана при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 18-09-00313 А, проект «Русский фронт: социально-экономическая динамика, повседневно-бытовые модели населения, образование государственной территории и мобильная граница. XVI – нач. XIX в. (по материалам южных и юго-восточных уездов Центрально-Европейского региона)».

Для цитирования: Папков А.И. Государственно-церковное взаимодействие в условиях фронта на Юге России в XVI–XVII веках // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 209-219. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-209-219

Abstract. We consider the process of Russia state territory expansion in the southern direction, which took place in the 16th – 17th centuries. We analyze the network formation process of orthodox churches and monasteries in the frontier zone – on the southern outskirts of Russia. We made an attempt to determine the role of the state in this process. It is concluded that the state provided the construction of the necessary number of churches and monasteries, as well as allocated funds to ensure their activities in the future.

Keywords: Tsardom of Russia; South of Russia; Dnieper-Don forest steppe; Crimean Khanate; Polish-Lithuanian Commonwealth; frontier; borderlands

Acknowledgments: The study is funded by Russian Foundation for Basic Research according to the research project no. 18-09-00313 A, “Russian frontier: social and economic dynamics, everyday and household population models, formation of state territory and mobile border. 16th – early of 19th century (on materials of the southern and southeastern counties of the Central European Region)”.

For citation: Papkov A.I. Gosudarstvenno-tserkovnoye vzaimodeystviye v usloviyakh frontira na Yuge Rossii v XVI–XVII vekakh [State and church interaction in the frontier conditions on the south of Russia in 16th – 17th centuries]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitar-*

nye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 209-219.
DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-209-219 (In Russian, Abstr. in Engl.)

С тех пор, как Ф. Тернер сформулировал теорию фронта [1], она применялась не только для трактовки событий американской истории, но и использовалась применительно к другим регионам мира. В российской историографии с использованием концепции фронта рассматривалась история Сибири [2–9]. Показательными являются труды американских исследователей истории Юга России, в которых используется термин «фронт» [10–12]. Термин «фронт» применительно к данной территории был введен сравнительно недавно [4; 13–16], началось рассмотрение истории заселения лесостепи и степи юга России с точки зрения фронта [17–25].

Процесс складывания государственной территории, когда в 1521 г. под власть Москвы перешли Северская земля и Рязанское княжество, привел не только к образованию Российского государства. Еще одним следствием стало появление обширной фронтальной зоны, протянувшейся вдоль южных и восточных рубежей страны, прежде всего там, где в силу разных обстоятельств граница не была четко маркирована и имела подвижный, неустойчивый характер. Такое положение отразилось в использовании для обозначения частей этой зоны устойчивых терминов, прочно вошедших в практику российского приказного делопроизводства: «рязанские города», «северские города», «города от польской украины», «украинные города». В дальнейшем, когда российские городокрепости начинают возводиться непосредственно на территории Поля, их стали называть «польские города» [26]. Сооружение Белгородской черты оказалось настолько серьезным фактором, повлиявшим на ситуацию на порубежье, что само понятие «черта» стало использоваться в качестве географического ориентира. В документах постоянно употребляются понятия «города на черте», «города в черте», «города за чертой» [27, с. 20-21]. При изучении и описании колонизации Юга России XVI–XVII веков целесообразно использование категории «украина» [28, с. 532-533]. Вместе с тем наличие сопоставимых процессов, проявившихся при продвижении европейцев в Северной Америке и россиян в

Сибири, на южном и примыкающих к нему направлениях, позволяют проводить сравнительный анализ, и в этом случае категория «фронт» будет вполне уместной [29].

Юг России как зона фронта в XVI–XVII столетиях не является географически неизменным [30]. В этот период государственная территория Российского царства расширяется в южном направлении, но в целях изучения государственно-церковных отношений в зоне южнорусского фронта ее можно ограничить районом Белгородской черты (на юге) и Окской оборонительной линией (на севере). Особенности данной территории, которые непосредственно влияли на положение храмов и монастырей, является не только отсутствие крупного вотчинного землевладения, но и в целом невысокая плотность населения, довольно низкий уровень доходов местных жителей, которые в подавляющем большинстве случаев относились к низшим военно-служилым категориям.

Для изучения вопросов государственно-церковных отношений Юг России является уникальной территорией. В этом географическом районе прослеживаются несколько тенденций. С одной стороны, необходимость противостояния Великому княжеству Литовскому, которое, как и Великое княжество Московское, претендовало на роль наследника Древней Руси. Следует отметить, что для обоснования противоборства с Литвой, в отличие от войн с государствами, населенными мусульманами, необходимо было искать идеологическое обоснование. Война с Литовским княжеством противоречила идее единства православного мира. Кроме того, значительная часть российской элиты XVI века происходила с территории Литовского княжества и ощущала свою связь с его землями. Смещаться идеологические акценты начинают после образования Речи Посполитой и инкорпорации украинских земель в состав Королевства Польского. Теперь в качестве идеологического обоснования можно было использовать тезис о необходимости защиты православия от католического давления с Запада. С другой стороны, южные лесостепные и степные пространства непосредственно примыкали к землям Крымского

ханства, которое не только воспринималось как напоминание о былой ордынской зависимости Руси, но и являлось, после завоевания Казани и Астрахани, наиболее опасным мусульманским государством среди соседей Руси [31, с. 560-568]. Третье обстоятельство – особенности распространения православия на новые земли, на которых, в отличие от Сибири или Севера, практически не было коренного населения, которое могло быть объектом миссионерской деятельности Русской церкви.

Начиная со второй половины XVI века Россия начинает длительный процесс колонизации своих степных окраин. Для закрепления новых территорий строятся городские крепости. Они становились полноценными населенными пунктами, так как для обеспечения их защиты в городе и его округе селились служилые люди и их семьи. В этих условиях жители должны были иметь возможность удовлетворять свои религиозные запросы, а для этого была необходима церковная структура, опирающаяся на сеть православных храмов и монастырей. Не случайно при описании строительства церквей и монастырей в Карелии и Сибири XVI–XVII вв. митрополит Макарий (Булгаков) указывал на исключительную роль Российского государства в распространении православия в окраинных регионах страны [17, с. 61-62]. Б.Н. Флоря отметил не только объективную необходимость формирования организации для контроля и управления духовенством (по его справедливому мнению, таковым условием стало появление в России сети храмов, достаточно равномерно покрывающей всю территорию страны), но и обратил внимание на заинтересованность светской власти в создании такой организации [32, с. 121-122]. В связи с особенностями, характерными для зоны фронта, основным субъектом, организовывавшим и регулировавшим колонизацию порубежных территорий, было государство. Как показывают сведения, приведенные далее, роль государства была очень значительной и в церковной колонизации. В частности, она проявлялась в государственной поддержке не только строительства, но и функционирования значительного количества храмов и монастырей.

В Тульском кремле было две деревянных церкви, на посаде имелось несколько дере-

вянных храмов [33, с. 382-383]. Судя по описанию конца 80-х гг. XVI века, городской собор имел богатые иконы, убранство и утварь, что не удивительно, учитывая размеры города. При этом храм с приделом получал государственную ругу, а на выпечку просфор ежегодно выделялось 4 чети пшеницы для собора и две для придела [34, с. 254]. Аналогично можно характеризовать и ряд посадских храмов, в частности деревянные церкви Третьего обретения честной главы Иоанна Предтечи, теплый храм Похвалы Пречистой Богородицы с приделом Николая Чудотворца, принадлежавшие Предтеченскому монастырю, находившемуся на посаде, в Никитском конце [34, с. 263-265]. Еще три храма Тулы получали государственную помощь на обустройство. Два из них находились на посаде, на Пятницкой улице: теплый Покровский и Параскевы Пятницы, сгоревший ко времени описания. Оба они имели церковную утварь «государева строенья» и церковную землю. На старом тульском городище на берегу р. Упы стояла теплая церковь Введения Пречистой Богородицы. В ней упоминаются девять икон «на золоте» и иное «церковное строенье государево царево и великого князя» [34, с. 276-277]. Остальные восемь тульских храмов обустраивались без участия государства. По данным 1571–1572 г. в Епифани, с учетом посада и всех слобод, было 7 церквей. Но сведений об источниках храмового имущества и содержания церквей писцовая книга г. Епифани и Епифанского уезда князя И.В. Мосальского и Г. Ярова 1571/72 г. не содержит [34, с. 324-335].

После сооружения крепостных укреплений в Ельце, начало строительства которого относится к 1591 г., а гарнизон планировался в количестве 1000 человек, в 1592–1593 гг. были возведены первые храмы: Воскресенский собор, поставленный внутри крепости, на посаде – церковь Успения Пречистой Богородицы. В эти же годы поблизости от крепости, на мысе над р. Сосной был основан мужской монастырь в честь Живоначальной Троицы и Сергия чудотворца [35, с. 19]. Одновременно со строительством городских укреплений возводился храм. Порой, как это было отмечено Д.И. Багалеем, строилось сразу две церкви [36, с. 116-117]. Вероятно, можно говорить о взаимосвязи масштабов городского и церковного строительства и

предположить, что строительство Ельца и Царева-Борисова (при основании которых воеводы заложили по два храма) осуществлялось как общегосударственное мероприятие. Из наказа воеводе В.В. Мосальскому, направленному для строительства крепости Валуйки, известно, что он должен был взять с собой все необходимое для обеспечения богослужения: церковную утварь, ризы, богослужебные книги и др. Следовательно, на него возлагалась ответственность не только за строительство храма, но и за его функционирование, по крайней мере, сразу после завершения строительства [37, с. 25].

Как и другие жители, священники получали владения, необходимые для обеспечения жизни причта и деятельности церкви. Как правило, это была земля под пашню, сенокосы, лесные угодья и рыбные ловли. Наделы священников обычно не превышали наделов прихожан, и нет оснований говорить о привилегированном положении духовенства на Юге России в это время [38, с. 7].

Схожая ситуация прослеживается и в других городах южной окраины Российского царства. Вероятно, практически одновременно со строительством крепостных стен и башен Воронежа, в 1586 г. была возведена соборная Благовещенская церковь [39, с. 46]. При этом в Воронеже проявляется следующая особенность: первый храм был возведен государством, но спустя небольшой промежуток времени начинают строиться церкви уже по инициативе горожан. Церковное имущество в них было собственностью священников, строивших эти храмы и служивших в них. Например, на средства священнослужителей или прихожан в слободе полковых казаков были построены: Рождественская церковь, Георгиевская церковь, храм во имя Дмитрия Солунского и церковь Параскевы Пятницы; «на посаде на Старом городище» Ильинская церковь [38, с. 5]; церковь Покрова Богородицы в слободе беломестных казаков [40, с. 8].

Практически одновременно с основанием города-крепости Оскол возводятся соборная церковь Преображения Господня и храм Николая Чудотворца с приделом Параскевы Пятницы. Еще три церкви были выстроены в остроге: Георгиевская, Покровская и Никитская, а в пригородных слободах – еще четыре. Храмы имели достаточное количество

церковного имущества, земельные и иные владения, выделенные одновременно с земельными пожалованиями служилых людей в Оскольском уезде. Известно несколько православных храмов, существовавших в Оскольском уезде к началу XVII века: церковь Архангела Михаила (с. Нижнее Чуфичево, Чуфичевский стан), построена, вероятно, в последнем десятилетии XVI века; церковь Николая Чудотворца (с. Яблоново, Дубенский стан), построена в начале XVII века; церковь Рождества Пресвятой Богородицы (с. Караваяво-Геросим, Ублинский стан), сгорела в 1612 г., следовательно, была построена еще до Смуты. В этом же стане был еще один храм – церковь Параскевы Пятницы (с. Пятницкое-Черкасское). Она была построена в конце XVI века, а в 1612 г. разорена татарами [41, с. 61-62, 168-173].

В исторической литературе поднимался вопрос о причинах появления монастырей в опасном приграничном регионе. Экономическое положение этих обитателей в связи с постоянной опасностью вражеских набегов было весьма сложным, и объяснить монастырскую колонизацию экономическими мотивами невозможно. Это подтолкнуло Д.И. Багаля к поиску причин монастырского строительства на южной окраине России в «сильном религиозном чувстве тогдашнего русского человека» [36, с. 116-117]. Монастыри на Юге Российского царства в рассматриваемое время строились, как правило, либо в городах, либо вблизи от них, то есть это были городские монастыри, сильно отличавшиеся от лесных пустыней русского Севера. Большая часть их была основана не по свободному почину отдельных подвижников, а по приказу государственной и церковной властей. Почти все монастыри открывались сразу после основания города, и их существование, строй монастырского быта в них были тесно связаны с государственно-политическим значением города, в котором они появлялись [42]. В этой связи интерес представляет мнение И.К. Смолича относительно причин основания православных монастырей на восточных границах России в XVI веке. Он считал, что монастыри должны были выполнять миссионерскую функцию по отношению к этнически разнообразному населению данного региона, немалую часть которого составляли язычники [43, с. 115]. Однако

ситуация в зоне южнорусского фронта была принципиально иной, здесь практически не было коренного оседлого населения, на которое могла быть обращена миссионерская деятельность.

Несмотря на опасности, обусловленные набегами степняков и периодическими военными столкновениями с Великим княжеством Литовским (затем – Речью Посполитой), на южной окраине России, по мере сооружения крепостей и роста численности населения, количество монастырей увеличивается. Так, к концу XVI века в Рязанском крае насчитывалось шесть монастырей [44, с. 225]. Для Рязанской земли монастырское землевладение было нехарактерно. Хотя отдельным рязанским монастырям принадлежали значительные земельные владения. По мнению М.Н. Тихомирова, развитие крупного землевладения в Рязанской земле затруднялось ее пограничным положением [33, с. 395]. В это же время в Тульском крае известно восемь монастырей [33, с. 381-383], а в Орловском крае упоминаются четыре монастыря [43, с. 123]. В Воронеже, к началу XVII века, появляется первый монастырь – Успенский. Ход его строительства хорошо иллюстрирует осуществление государственного контроля за развитием церковно-монастырской структуры на осваиваемых южных землях. Однако, несмотря на это, выстроить монастырь удалось не сразу [39, с. 51]. В Курском уезде в XVI веке был один монастырь, в Путивльском – две обители, а в Севском, Елецком, Белгородском и Тамбовском уездах имелось по одному монастырю [43, с. 123-125].

Государство, по мнению Д.И. Багалея, выделяло средства на содержание монастырей, поскольку «...монастырь того времени был, так сказать, богадельней для раненых, больных, безприютных; <...> сами монахи не в состоянии были прокормиться трудами рук своих» [36, с. 119-120]. При этом необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что сохранившиеся источники не дают оснований считать благотворительную деятельность характерной для монастырей зоны южнорусского фронта конца XVI – первой половины XVII века [44]. Кроме того, государственные средства выделялись не только монастырям, но и храмам окраинных городов и уездов. Поэтому можно говорить скорее о стремлении российских властей сформиро-

вать соответствующую идеологическую систему на осваиваемой окраине, чем об использовании церковных институтов для решения социальных вопросов в регионе.

Для решения задачи материального обеспечения функционирования православных храмов и монастырей государством применялись различные меры. Во-первых, выделялись земля под пашню и другие хозяйственные угодья (сенокосы, рыбные ловли, лес, бобровые гоны). Во-вторых, устанавливалось ружное жалованье (в натуральном или денежном выражении). Попутно можно отметить стремление государства к замене руги земельными пожалованиями. В-третьих, могли предоставляться различные льготы. В-четвертых, чаще всего по челобитным, выделялось различное церковное имущество: колокола, иконы, книги, облачение священно- и церковнослужителей, иная церковная утварь, ладан, воск на свечи, церковное вино.

Во время строительства Белгородской черты продолжилось сооружение храмов в новых городах государством. Строельные книги Усерда, Хотмыжска, Коротояка свидетельствуют о постройке соборов в этих городах за государственный счет, а также о снабжении их государством иконами и церковной утварью [38, с. 5; 45, с. 23]. Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что государственная помощь приводила к формированию тенденции к дальнейшему удовлетворению церковных потребностей за казенный счет. Так, священники собора г. Хотмыжск спустя год после его основания и получения церковной утвари вновь «били челом» о выделении им святых мощей, хоругвей и другого церковного имущества¹. Схожие челобитные подавали в 1642 г. священники городов Вольного, Яблонова², в 1643–1645 гг. – Усерда, Яблонова³ и Хотмыжска⁴. С аналогичными просьбами в Москву обращался не только причт церквей новых городов, но и,

¹ РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Столбцы Белгородского стола. № 139. Л. 198-201.

² РГАДА. Столбцы Белгородского стола. № 151. Л. 457-458; РГАДА. Столбцы Белгородского стола. № 152. Л. 97-99.

³ РГАДА. Столбцы Белгородского стола. № 170. Л. 563-570, 796-800.

⁴ РГАДА. Столбцы Белгородского стола. № 278. Л. 266-275.

например, Белгорода в 1637 г.⁵ В писцовых книгах 1629 г. отмечен факт снабжения соборной Благовещенской церкви г. Воронежа иконами, облачением, книгами, колоколами и другой богослужебной утварью за государственный счет [38, с. 5-6; 46]. После Смуты Святогорский монастырь не только получал натуральную ругу, но и снабжался за казенный счет ладаном, церковным вином, получал церковное облачение и богослужебные книги [47, с. 31, 101].

В различных регионах, даже на окраине, степень участия государства в материальном обеспечении деятельности православных храмов и монастырей была различной. Например, если проанализировать описания церквей в 30 погостах Орловского уезда, содержащиеся в писцовой книге этого уезда 1594/95 г., то получается, что в 15 случаях, когда была описана или упомянута церковная утварь, говорится, что приобретена она на средства прихожан⁶. Таким же образом характеризуется Епифань и Деделов с уездом в это время⁷.

Во время сооружения Белгородской черты, несмотря на колоссальные усилия, потребовавшиеся для такого широкомасштабного строительства, активизировалось и открытие монастырей на южной окраине страны. В 30–50-е гг. XVII века здесь было основано 14 монастырей. Следует обратить внимание на то, что монастыри основывались не только в районах, хотя и остающихся пограничными территориями, но уже достаточно давно осваивающимися Российским государством (например, в Рязанском крае появилось два монастыря, в Воронежском уезде – три, в Белгороде, Путивле и Рыльске – по одному), но и спустя непродолжительный промежуток времени после строительства новой крепости и образования уезда, как это

было в Хотмыжске, где Знаменский монастырь появился в 1642 г., или в Карпове (в начале 50-х гг. XVII века появляются упоминания о Карповском Царевском Покровском мужском монастыре и Карповском Святотроицком мужском монастыре) [17, с. 758-761].

В это время государство продолжало оказывать материальную помощь уже существовавшим монастырям. С челобитными о выделении предметов церковного обихода настоятели монастырей через местных воевод обращались в Разрядный приказ, который управлял территорией польской Украины России. Как показывает анализ делопроизводственных материалов, челобитные в подавляющем большинстве случаев удовлетворялись. В столице закупались иконы, книги, ризы и другая утварь, приобретенное церковное имущество выдавалось (нередко через городских воевод) челобитчикам. Помощь оказывалась как новым храмам и монастырям, так и тем, которые уже достаточно давно существовали.

Таким образом, за довольно короткий период (конец XVI – первая половина XVII века) в южных уездах Российского государства была сформирована достаточно развитая церковная структура. Роль государства в этом процессе была весьма существенной. Правительство выделяло средства и организовывало строительство сооружений, необходимых для полноценного функционирования Церкви в регионе. Вероятно, государство обеспечивало строительство необходимого количества храмов и монастырей. Затем появляются церкви, возведенные местными жителями, однако на протяжении еще довольно длительного периода времени монастырское строительство на южной окраине России было невозможным без непосредственного участия государства, а специфика приграничного региона привела к формированию тенденции удовлетворения церковных потребностей за государственный счет.

⁵ РГАДА. Столбцы Белгородского стола. № 123. Л. 325-326.

⁶ Писцовые книги XVI века. СПб., 1877. Ч. 1. Отд. III. С. 902-1063.

⁷ Там же. С. 1079-1095, 1261-1290, 1582-1593.

Список литературы

1. Тернер Ф.Д. Фронтир в американской истории. М., 2009.
2. Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М., 2005.
3. Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75-89.

4. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.
5. Соболева Т.Н., Бобров Д.С. Современная российская историография концепции фронта // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4-1 (72). С. 189-193.
6. Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. ст. / под ред. А.М. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М., 2012.
7. Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001–2003. Вып. 1–3.
8. Хромых А.С. К вопросу о применении понятий «колонизация» и «фронтир» в изучении истории Сибири // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. материалов 3 регион. молодежной науч. конф. Новосибирск, 2009. С. 108-113.
9. Шиловский М.В. Фронтир и переселения (сибирский опыт) // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып. 3. С. 101-118.
10. Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2002. 290 p.
11. Khodarkovsky M. Taming the "Wild Steppe": Muscovy's Southern Frontier, 1480–1600 // Russian History/Histoire Russe. 1999. Vol. 26. № 3. P. 241-297.
12. Shaw D.J.B. Southern Frontier of Moscow 1550–1770 // Studies in Russian Historical Geography. London; New York, 1983. Vol. 1. P. 117-142.
13. Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Конкретно-историческое обоснование расчета значений управляющих факторов динамики южнорусского фронта в XVII – середине XIX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Т. 20. Вып. 10. С. 16-30. DOI 10.20310/1810-0201-2015-20-10-16-30
14. Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Моделирование исторической динамики южнорусского фронта. XVII – первая половина XIX в. // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2014. Вып. 42. С. 77-78.
15. Канищев В.В., Баранова Е.В. Пространственное представление движения южнорусского фронта в середине XVII – середине XIX в. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2015. № 4. С. 178-186.
16. Каппелер А. Южный и восточный фронтир России в XVI–XVIII веках // Ab Imperio. 2003. № 1. С. 47-65.
17. Макарий (Булгаков). История русской церкви. М., 1996. Кн. 6.
18. Мизис Ю.А., Кащенко С.Г. Проблема формирования русского фронта на юге России в XVI – первой половине XVIII в. в отечественной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2011. № 1. С. 9-16.
19. Скобелкин О.В. «Украины» Разрядной книги 1475–1605 гг. // Российская история. 2015. № 5. С. 54-63.
20. Скобелкин О.В. Служилые «немцы» в военных действиях на территории южного фронта (вторая половина XVI – начало XVII в.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Т. 20. Вып. 10. С. 86-92. DOI 10.20310/1810-0201-2015-20-10-86-92
21. Скобелкин О.В. Служилые люди южного фронта: особенности землевладения, земельной и социальной политики государства во 2-й половине XVII в. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2013. № 1. С. 58-65.
22. Скобелкин О.В. Структура служилого населения Воронежа и Воронежского уезда в XVII в. // Из истории Воронежского края / отв. ред. А.Н. Акиншин. Воронеж, 2011. Вып. 18. С. 75-82.
23. Скобелкин О.В. Уездные элиты южного фронта России во 2-й половине XVII века: некоторые вопросы методики исследования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 1. С. 121-123.
24. Американский и сибирский фронтир (Американские исследования в Сибири): материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. М.Я. Пелипась. Томск, 1997. Вып. 2.
25. Мизис Ю.А., Папков А.И., Скобелкин О.В. Теория фронта и юг России в XVI – первой половине XVIII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Т. 20. Вып. 10. С. 7-15.
26. Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1991.
27. Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1969. 304 с.
28. Головнев А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015.
29. Папков А.И. «Фронтир» или «украина»: два подхода к изучению истории российской колонизации Днепро-Донской лесостепи в XVI–XVII вв. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2017. № 5. С. 176-182.

30. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века / отв. ред. А.Я. Дегтярев. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996.
31. Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.
32. Флоря Б.Н. Отношение государства и церкви у восточных и западных славян (эпоха Средневековья). М., 1992.
33. Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.
34. Города России XVI века. Материалы писцовых описаний / сост. Е.Б. Французова. М., 2002.
35. Ляпин Д.А. История Елецкого уезда в конце XVI–XVII веков. Тула, 2011.
36. Багалеи Д.И. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887. Т. 1.
37. Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. М., 1894. Ч. 1.
38. Комолова Э.В. Церковное развитие южнорусского региона в XVII в. // Из истории воронежского края / отв. ред. В.П. Загорский. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2002. Вып. 10. С. 3-16.
39. Глазьев В.Н. Страницы ранней церковной и монастырской истории города Воронежа и Воронежского уезда // Церковь и ее деятели в истории России. Воронеж, 2001. Вып. 2. С. 46-64.
40. Акинъшин А.Н. Храмы Воронежа. Воронеж, 1994.
41. Никулов А.П. Старый Оскол. Историческое исследование Оскольского края. Курск, 1997.
42. Папков А.И. Освоение Российским государством своих южных окраин и основание монастырей в конце XVI – начале XVII веков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2011. № 7 (102). С. 110-115.
43. Смолч И.К. Русское монашество. М., 1997.
44. Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. Очерки политической истории России первой трети XVI в. М., 1972.
45. Багалеи Д.И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний. Харьков, 1890. Т. 2.
46. Папков А.И. Отношение Российского государства к церковному землевладению во второй половине XVI – начале XVII века // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2007. Т. 4. № 8. С. 39-43.
47. Акты Московского государства, изданные императорскою Академиею наук: в 3 т. / под ред. Н.А. Попова. Спб., 1894. Т. 2. Разрядный приказ. Московский стол. 1635–1659.

References

1. Turner F.D. *Frontir v amerikanskoj istorii* [Frontier in American History]. Moscow, 2009. (In Russian).
2. Ageyev A.D. *Sibir' i amerikanskiy Zapad: dvizheniye frontirov* [Siberia and American West: Frontier Movement]. Moscow, 2005. (In Russian).
3. Zamyatina N.Y. Zona osvoyeniya (frontir) i eye obraz v amerikanskoj i russkoj kul'turakh [Settlement zone (frontier) and its image in American and Russian cultures]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*, 1998, no. 5, pp. 75-89. (In Russian).
4. Rezun D.Y., Shilovskiy M.V. *Sibir', konets XIV – nachalo XX veka: frontir v kontekste etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov* [Siberia, the Late 16th – Early 20th Century: Frontier in the Context of Ethnosocial and Ethnocultural Processes]. Novosibirsk, 2005. (In Russian).
5. Soboleva T.N., Bobrov D.S. *Sovremennaya rossiyskaya istoriografiya kontseptsii frontira* [The modern Russian historiography on the frontier conception]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University Journal*, 2011, no. 4-1(72), pp. 189-193. (In Russian).
6. Etkind A.M., Uffel'mann D., Kukulin I. (eds.). *Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossi* [In There. Internal Colonization Practice in the Cultural History of Russia]. Moscow, 2012. (In Russian).
7. Rezun D.Y., Lamin V.A., Mamsik T.S., Shilovskiy M.V. *Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII–XX vv.: obshcheye i osobennoye* [Frontier in the Siberia and North America History in the 17th – 20th Centuries: General and Special]. Novosibirsk, 2001–2003, vol. 1–3. (In Russian).
8. Khromykh A.S. K voprosu o primenenii ponyatiy «kolonizatsiya» i «frontir» v izuchenii istorii Sibiri [To the question of “colonization” and “frontier” concepts in Siberia history study]. *Istoricheskiye issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy* [Historical Researches in Siberia: Problems and Prospects]. Novosibirsk, 2009, pp. 108-113. (In Russian).
9. Shilovskiy M.V. *Frontir i pereseleniya (sibirskiy opyt)* [Frontier and resettlement (Siberian experience)]. *Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII–XX vv.: obshcheye i osobennoye* [Frontier in the Siberia

- and North America History in the 17th – 20th Centuries. General and Special]. Novosibirsk, 2003, no. 3, pp. 101-118. (In Russian).
10. Khodarkovsky M. *Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*. Bloomington, Indianapolis, Indiana University Press, 2002, 290 p.
 11. Khodarkovsky M. Taming the “Wild Steppe”: Muscovy’s Southern Frontier, 1480–1600. *Russian History/Histoire Russe*, 1999, vol. 26, no. 3, pp. 241-297.
 12. Shaw D.J.B. Southern Frontier of Moscow 1550–1770. *Studies in Russian Historical Geography*. London, New York, 1983, vol. 1, pp. 117-142.
 13. Zhukov D.S., Kanishchev V.V., Lyamin S.K. Konkretno-istoricheskoye obosnovaniye rascheta znacheniy upravlyayushchikh faktorov dinamiki yuzhnorusskogo frontira v XVII – seredine XIX v. [A concrete historical rationale for evaluation of control factors of south Russian frontier dynamics in the 17th – the middle of 19th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2015, vol. 20, no. 10, pp. 16-30. DOI 10.20310/1810-0201-2015-20-10-16-30 (In Russian).
 14. Zhukov D.S., Kanishchev V.V., Lyamin S.K. Modelirovaniye istoricheskoy dinamiki yuzhnorusskogo frontira. XVII – pervaya polovina XIX v. [South Russian frontier historical dynamics modeling. 17th – first half of 19th centuries]. *Informatsionnyy byulleten' assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter»* [Informative Bulletin of the Association “History and Computer”], 2014, no. 41, pp. 77-78. (In Russian).
 15. Kanishchev V.V. Prostranstvennoye predstavleniye dvizheniya yuzhnorusskogo frontira v seredine XVII – seredine XIX v. [Spatial representation of Russian south frontier dynamics in the middle 17th – middle 19th centuries]. *Rus', Rossiya. Srednevekov'ye i Novoye vremya* [Ancient Rus, Russia. Middle Ages and Modern Time], 2015, no. 4, pp. 178-186. (In Russian).
 16. Kappeler A. Yuzhnyy i vostochnyy frontir Rossii v XVI–XVIII vekakh [The Russian south and east frontiers from 15th to the 18th centuries]. *Ab Imperio*, 2003, no. 1, pp. 47-65. (In Russian).
 17. Makariy (Bulgakov). *Istoriya russkoy tserkvi* [Russian Church History]. Moscow, 1996, bk 6. (In Russian).
 18. Mizis Y.A., Kashchenko S.G. Problema formirovaniya russkogo frontira na yuge Rossii v XVI – pervoy polovine XVIII v. v otechestvennoy istoriografii [Russian frontier formation problem on the south of Russia in the 16th – first half of 18th century in the national historiography]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya: Istoriya – Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2011, no. 1, pp. 9-16. (In Russian).
 19. Skobelkin O.V. «Ukráiny» Razryadnoy knigi 1475–1605 gg. [“Borderlands” of deployment books 1475–1605s]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian History], 2015, no. 5, pp. 54-63. (In Russian).
 20. Skobelkin O.V. Sluzhilyye «nemtsy» v voyennykh deystviyakh na territorii yuzhnogo frontira (vtoraya polovina XVI – nachalo XVII v.) [Service class of the “Germans” in military operations on the territory of south frontier (second half of 16th century – the early 17th century)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2015, vol. 20, no. 10, pp. 86-92. DOI 10.20310/1810-0201-2015-20-10-86-92 (In Russian).
 21. Skobelkin O.V. Sluzhilyye lyudi yuzhnogo frontira: osobennosti zemlevladieniya, zemel'noy i soslovnoy politiki gosudarstva vo 2-y polovine XVII v. [South frontier service class people: land ownership features, government land and estate policy in the 2nd half of the 17th century.]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*, 2013, no. 1, pp. 58-65. (In Russian).
 22. Skobelkin O.V. Struktura sluzhilogo naseleniya Voronezha i Voronezhskogo uyezda v XVII v. [Voronezh and Voronezh county service class population structure in the 17th century]. *Iz istorii Voronezhskogo kraya* [From the Voronezh Region History]. Voronezh, 2011, no. 18, pp. 75-82. (In Russian).
 23. Skobelkin O.V. Uyezdnnyye elity yuzhnogo frontira Rossii vo 2-y polovine XVII veka: nekotoryye voprosy metodiki issledovaniya [Russia south frontier county elites in the 2nd half of the 17th century: some issues of research methodology]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*, 2015, no. 1, pp. 121-123. (In Russian).
 24. Pelipas M.A. (executive ed.). *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Amerikanskiy i sibirskiy frontir (Amerikanskiye issledovaniya v Sibiri)»* [Proceedings of the International Scientific Conference “American and Siberian Frontier (American Studies in Siberia)”]. Tomsk, 1997. (In Russian).
 25. Mizis Y.A., Skobelkin O.V., Papkov A.I. Teoriya frontira i Yug Rossii v XVI – pervoy polovine XVIII v. [The theory of the frontier and the South of Russia in XVI – the first half of the XVIII century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2015, vol. 20, no. 10, pp. 7-15. DOI 10.20310/1810-0201-2015-20-10-7-15 (In Russian).
 26. Zagorovskiy V.P. *Istoriya vkhozhdeniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v sostav Rossiyskogo gosudarstva v XVI veke* [The History of Central Black Earth Region Entry into the Russian State in the 16th Century]. Voronezh, Voronezh University Publ., 1991. (In Russian).

27. Zagorovskiy V.P. *Belgorodskaya cherta* [Belgorod Line]. Voronezh, Voronezh University Publ., 1969, 304 p. (In Russian).
28. Golovnev A.V. *Fenomen kolonizatsii* [Colonization Phenomena]. Ekaterinburg, 2015. (In Russian).
29. Papkov A.I. «Frontir» ili «ukrayna»: dva podkhoda k izucheniyu istorii rossiyskoy kolonizatsii Dnepro-Donskoy lesostepi v XVI–XVII vv. [“Frontier” or “Ukraine”: two approaches to the study of the history of Russian the mastering of the Dnieper-Don forest steppe in the 16th – 17th centuries]. *Rus', Rossiya. Srednevekov'ye i Novoye vremya* [Ancient Rus, Russia. Middle Ages and Modern Time], 2017, no. 5, pp. 176-182. (In Russian).
30. Lyubavskiy M.K. *Obzor istorii russkoy kolonizatsii s drevneyshikh vremen i do XX veka* [Review of the Russian Colonization History from Ancient Times to the 20th Century]. Moscow, Moscow University Publ., 1996. (In Russian).
31. Khoroshkevich A.L. *Rossiia v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy serediny XVI veka* [Russia in the International Relations System in the Middle 16th Century]. Moscow, 2003. (In Russian).
32. Florya B.N. *Otnosheniye gosudarstva i tserkvi u vostochnykh i zapadnykh slavyan (epokha Srednevekov'ya)* [East and West Slavs State and Church Attitude (Medieval Era)]. Moscow, 1992. (In Russian).
33. Tikhomirov M.N. *Rossiia v XVI stoletii* [Russia in 16th Century]. Moscow, 1962. (In Russian).
34. Frantsuzova E.B. (compiler). *Goroda Rossii XVI veka. Materialy pistsovykh opisaniy* [Cities of Russia in 16th Century. Proceedings of the Scribe Descriptions]. Moscow, 2002.
35. *Lyapin D.A. Istoriya Eleitskogo uyezda v kontse XVI–XVII vekov* [History of Yelets County in the Late 16th – 17th Centuries]. Tula, 2011.
36. Bagaley D.I. *Ocherki iz istorii kolonizatsii i byta stepnoy okrainy Moskovskogo gosudarstva* [Essays on the History of Colonization and Life of the Muscovite State Steppe Outskirts]. Moscow, 1887, vol. 1. (In Russian).
37. Miklashevskiy I.N. *K istorii khozyaystvennogo byta Moskovskogo gosudarstva* [To the Muscovite State Economic Life History]. Moscow, 1894, pt. 1. (In Russian).
38. Komolova E.V. Tserkovnoye razvitiye yuzhnorusskogo regiona v XVII v. [Church development of the south Russian region in the 17th century.]. *Iz istorii voronezhskogo kraia* [From the History of Voronezh Region]. Voronezh, Voronezh University Publ., 2002, no. 10, pp. 3-16. (In Russian).
39. Glazyev V.N. Stranitsy ranney tserkovnoy i monastyrskoy istorii goroda Voronezha i Voronezhskogo uyezda [Pages of early church and monastery history of Voronezh and Voronezh county]. *Tserkov' i eye deyateli v istorii Rossii* [The Church and its Leaders in the History of Russia]. Voronezh, 2001, no. 2, pp. 46-64. (In Russian).
40. Akinshin A.N. *Khramy Voronezha* [Voronezh Churches]. Voronezh, 1994. (In Russian).
41. Nikulov A.P. *Staryy Oskol. Istoricheskoye issledovaniye Oskol'skogo kraia* [Stary Oskol. Oskol Region Historical Research]. Kursk, 1997. (In Russian).
42. Papkov A.I. Osvoyeniye Rossiyskim gosudarstvom svoikh yuzhnykh okrain i osnovaniye monastyrey v kontse XVI – nachale XVII vekov [The Russian state development southern suburbs and the founding of monasteries in the late 16th – early 17th centuries]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Informatika – Belgorod State University Scientific Bulletin Economics Information Technologies*, 2011, vol. 7 (102), pp. 110-115. (In Russian).
43. Smolich I.K. *Russkoye monashestvo* [Russian Monasticism]. Moscow, 1997.
44. Zimin A.A. *Rossiia na poroge novogo vremeni. Ocherki politicheskoy istorii Rossii pervoy treti XVI v.* [Russia at the Beginning of a New Time. Essays on the Political History of Russia in the First Third of the 16th Century.]. Moscow, 1972. (In Russian).
45. Bagaley D.I. *Materialy dlya istorii kolonizatsii i byta Khar'kovskoy i otchasti Kurskoy i Voronezhskoy guberniy* [Materials for the History of Colonization and Life of Kharkiv and Partly Kursk and Voronezh Governorates]. Kharkov, 1890, vol. 2. (In Russian).
46. Papkov A.I. Otnosheniye Rossiyskogo gosudarstva k tserkovnomu zemlevladieniyu vo vtoroy polovine XVI – nachale XVII veka [The attitude of the Russian state to church land tenure in the second half of the 16th – early 17th centuries]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika – Belgorod State University Scientific Bulletin Economics Information Technologies*, 2007, vol. 4, no. 8, pp. 39-43. (In Russian).
47. Popov N.A. (ed.). *Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannyye imperatorskoyu Akademiyeyu nauk: v 3 t. T. 2. Razryadnyy prikaz. Moskovskiy stol. 1635–1659* [Acts of the Moscow State, Published by the Imperial Academy of Sciences: in 3 vols. Vol. 2. Order-in-Charge Prikaz. Moscow Table. 1635–1659]. St. Petersburg, 1894. (In Russian).

Информация об авторе

Папков Андрей Игоревич, кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета. Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация. E-mail: papkov@bsu.edu.ru

Вклад в статью: концепция исследования, набор первичного материала, анализ архивных документов, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7612-0795>

Поступила в редакцию 26.07.2019 г.

Поступила после рецензирования 19.08.2019 г.

Принята к публикации 23.08.2019 г.

Information about the author

Andrey I. Papkov, Candidate of History, Associate Professor, Dean of History and Philology Faculty. Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation. E-mail: papkov@bsu.edu.ru

Contribution: study conception, source material acquisition, archival documents analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7612-0795>

Received 26 July 2019

Reviewed 19 August 2019

Accepted for press 23 August 2019